

Роман Злотников

ИМПЕРАТОР И ТРУБОЧИСТ

Том 2. Дворянин

Москва

Роман Злотников

ИМПЕРАТОР И ТРУБОЧИСТ

Том 2. Дворянин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Иллюстрация на переплете *Андрея Клепакова*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Император и трубочист. Том 2. Дворянин / Роман Злотников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Новый Злотников).

ISBN 978-5-04-203566-1

В России, как известно, две беды — дураки и дороги. А ты, герой, связался с обеими.

И ведь, кажется, уже давно не простой трубочист, а Даниил Николаев-Уэлсли, радетель за будущее Отчизны и близкий друг государя императора Николая Павловича. Заводов настроил, сельское хозяйство поднял, не сегодня завтра железную дорогу через весь Урал протянешь — ан нет! Изволь драться на дуэлях, разгонять декабристов и даже — на крайний случай — жениться. А там видно будет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р.В., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-203566-1

— Скачет... — зачарованно произнёс Рылеев. После чего резко развернулся к остальным.

— Господа — вот он! Наш шанс! Сии минуты решают, одержим ли мы победу либо окажемся повергнуты в кандалах к трону узурпатора... Сейчас есть шанс всё изменить! Достаточно лишь отринуть все сомнения и твёрдо исполнить свой долг, — он стремительно развернулся к Каховскому: — Пётр, наше будущее, будущее всей России — в твоих руках! Если ты исполнишь свой долг — над нашей многострадальной родиной ярко вспыхнет солнце Республики! И все мы будем помнить, что возжог его именно ты! Все мы и вся Россия...

Каховский, зябко кутавшийся в очень похожее на шинель пальто с пелериной, растерянно уставился на воодушевлённо вещавшего ему соратника по Северному тайному обществу, после чего перевёл испуганный взгляд на двух всадников, лёгким галопом приближавшихся к совместному каре лейб-гвардии Московского и Гренадёрского полков. В переднем всаднике можно было безошибочно узнать великого князя Николая Павловича, который, согласно объявленному сегодня в пять утра перед Сенатом манифесту, по завещанию своего

брата — ныне почившего императора Александра I — должен был принять на своё чело корону Российского императора...

С восстанием всё пошло не так сразу же. Во-первых, князь Трубецкой, всеобщим решением избранный главой и диктатором восстания, вообще не явился к казармам, прислав слугу с сообщением, что он отказывается от своего поста. Что повергло большинство восставших в шок... Затем, едва только члены Северного тайного общества штабс-капитаны Александр и Михаил Бестужевы вместе с Дмитрием Щепин-Ростовским начали поднимать солдат лейб-гвардии Московского полка, как прибежавшие со стороны Екатерингофской лейтенант Арбузов и мичман Дивов срывающимися от волнения голосами сообщили, что Гвардейский флотский экипаж на Сенатскую не выйдет. Это буквально ввергло всех в ступор. Моряки всегда были самыми горячими сторонниками немедленного преобразования страны, всегда горячо поддерживая самые прогрессивные и передовые идеи, иной раз даже затмевая в этом самого Рылеева с его американо-республиканским задором, изрядно развившемся за время его службы в Русско-американской компании. Недаром он регулярно заявлял: «Во всём мире не существует хороших правительств, за исключением американского». И вот такой афронт...

— Как это?! Что случилось? — в ответ на посыпавшиеся вопросы Арбузов истерично всхлипнул, а Дивов зло ощерился и заговорил:

— Это всё вчерашние посиделки в кают-компании с Николаевым-Уэлсли... Он по вторникам регулярно появлялся у нас, в Гвардейском флотском экипаже и нередко участвовал в дискуссиях по самым разным вопросам. Если вы не знаете, то именно после подоб-

ных обсуждений и появились решения насчёт полного перехода военного кораблестроения на производство композитных кораблей. Или идея сокращения числа деков и пушек на линкорах и фрегатах в пользу перевооружения их куда более крупнокалиберными орудиями...

— А-а-а-а — «only big guns», — тут же встрял кто-то из офицеров, — как же, как же — помню. По этой глупой идее очень неплохо прошёлся господин...

— Заткнитесь, поручик, на эти воспоминания у нас нет времени! — несколько истерично рявкнул подбегавший Одоевский, который после отказа князя Трубецкого принял на себя командование восставшими, и коршуном развернулся к морякам. — Рассказывайте!

Лейтенант и мичман поёжились и переглянулись, после чего мичман нехотя продолжил:

— Так вот, нас вчера там не было, но нам передали... короче, как многие здесь слышали Николаев-Уэлсли всё время пытался увести дискуссию от будущего России ко всяким низменным вещам — металлургии, судостроению, производству паровозов и паровых машин в целом, либо, — тут мичман скривился, — вообще о каких-нибудь валенках или производстве молока и сахарной свёклы... как крестьянин какой-то!

— Да он и есть крестьянин, вернее — трубочист, — с возмущением прошипел кто-то. — Крепостной же бывший, — мичман запнулся и покосился, но Одоевский нетерпеливо дёрнул подбородком. Мол — продолжайте.

— Так вот, по рассказам, он вчера — как с цепи сорвался! Сначала просто язвил как не в себе, едва только речь заходила о том, что наступает удобный момент, дабы потребовать необходимых благих изменений в государственном устройстве, а затем разразился настоящей речью, в которой смешал в кучу всё — долг,

честь, верность, финансовые трудности новообразованных государств... умудрился даже приплести сюда Северо-Американские Соединённые Штаты, припомнив их дефолт конца восемнадцатого века¹. После чего покинул собрание. Но после его ухода в кают-компании развернулась очень жаркая дискуссия и-и-и... вот.

— То есть, милостивый государь, — Одоевский аж побелел от ярости, — вы мне что сейчас вещаете — одного разговора хватило, дабы господам морским офицерам отказаться от мечты о свободе?

— Да нет, — нехотя присоединился к разговору лейтенант, — так-то мы поднялись и стали вооружаться. Но сомнения после вчерашних выступлений этого николаевского выкорышля даже у меня возникли. Он же всё время говорил, что сам бывший крепостной и ехидно так вопрошал, сволочь, скольких собственных крестьян мы сами уже освободили?² После чего заявлял,

¹ Сразу после обретения независимости первый президент США Джордж Вашингтон реализовал программу секретаря Казначейства А. Гамильтона по реструктуризации долгов Конгресса и выпуску новых казначейских обязательств. Уже к 1779 году Конгресс объявил о девальвации данных обязательств по курсу 38,5 к 1. А окончательный их выкуп производился всего за 1% номинала. Это, на минуточку, к вопросу о «самой надёжной валюте мира» и о том, «что США никогда не допустят дефолта». Они с него начали...

² Из всех декабристов, среди которых были и весьма крупные земле- и, соответственно, крестьяновладельцы, например, Сергей Муравьев-Апостол владел 3500 душ крестьян, Трубецкой — 800 душ, Николай Тургенев — 700 душ, личных крестьян к моменту восстания не освободил НИ ОДИН. В отличие, скажем, от «императорского пса» и «реакционера» Бенкендорфа, который к декабрю 1825 г. освободил всех своих крестьян... А вообще из числа декабристов хоть какое-то телодвижение в этом направлении сделал только уже покойный к моменту восстания участник тайного общества Михаил Лунин, который в своём завещании (духовной грамоте) указал своему единственному наследнику, брату Николаю, освободить крестьян, согласно принятому императором Александром I ещё в 1803 году «Закона о вольных хлебопашцах»... через пять лет после своей смерти!

что Николай-де, в своём уделе уже всем вольную дал, да пообещал, как корону примет — всем государственным крестьянам так же вольную выписать. А ещё ерничал — мол, какие же вы освободители, ежели даже от царской семьи в этом деле отстаёте...

— И вы повелись на слова прихлебателя узурпатора?! — гневно воскликнул Щепин-Ростовский.

— Да нет же... — гневно воскликнул Дивов, — я ж говорю — мы уже матросов подняли и вооружаться начали. А тут генерал Шипов откуда ни возьмись. Тут же повелел Николаю Александровичу шпагу сдать. И Вишневному. А когда тот заартачился — натравил на него матросов.

— И они послушались?

Да он закричал, что новому государю императору уже Сенат и части гарнизона присягнули! Вот матросики и заколебались...

— А офицеры что?

— А офицеры в знак солидарности с Бестужевым и Вишневым так же своё оружие сдали и под арест пошли. И Мусин-Пушкин, и Кюхельбекер, и Окулов, и Бодиско... Так что из Гвардейского экипажа тут только мы с Антоном Петровичем.

Это была катастрофа! Гвардейский флотский экипаж обещался выставить не менее трёхсот-четырёхсот нижних чинов, а скорее — около тысячи. И теперь их можно было не ждать. А такое умаление рядов должно было очень сильно сказаться на основательности позиций восставших! Но, как выяснилось немного позднее, это было только начало неприятностей... Измайловский полк не пришёл вообще. Что там у них произошло — было неясно, но ни один солдат из казарм так и не вышел. Из лейб-гвардии Гренадёрского поручик Сутгоф сумел сагитировать и привести на площадь все-

го полуроту. Да и ряды основы восстания — лейб-гвардии Московского полка — за время, пока солдаты выдвигались по заснеженным улицам Санкт-Петербурга, изрядно поредели. Пара сотен человек точно подались в бега...

На самой Сенатской площади тоже всё пошло не слава богу. Из собравшейся толпы начали орать какие-то люди, обвиняя солдат в том, что «нынешний государь император за народ и правду стоит — школы открывает, крестьянам вольную даёт», что он «за народ и страну супротив Наполеонки-узурпатора кровь проливал» и «заместо всей армии один на поле Ватерловском со своими людишками грудью стоял», а выде — этакие предатели и изменники, супротив такого человека пошли! Отчего построившиеся в каре солдаты изрядно посмурились лицом, а дезертирство заметно усилилось. К одиннадцати часам с площади начали убегать уже целыми плутонгами, а когда Оболенский попытался пресечь начавшееся бегство, выведя взвод и повелев стрелять по убегающим, — тот отказался стрелять и, в свою очередь, сам разбежался. Так что к полудню стало ясно, что восстание провалилось... И вот теперь у восставших появился шанс всё исправить. Один-единственный шанс!

Всадники подъехали вплотную к шеренгам восставших и остановили коней. Свежеиспечённый император приподнялся на стременах, явно собираясь обратиться к солдатам, и Рылеев снова жарко зашептал Каховскому в ухо:

— Ну же, Пётр Григорьевич — вся Россия смотрит на вас! Да что там Россия — весь цивилизованный мир! Решайтесь!!

Каховский судорожно слотнул, сделал шаг вперёд и начал медленно поднимать свой целевой «Ле Паж»...

ЧАСТЬ I

УРАЛ — ОПОРНЫЙ КРАЙ ДЕРЖАВЫ

1

— И всё это за последние три года! — самодовольно заявил Николай, после чего, довольно ослабившись, ухватил зубами кусочек шашлыка и резким движением головы сдёрнул его с шампура.

— Солидно! — кивнул Даниил, аккуратно переворачивая шампуры на монструозном клёпаном мангале, выстроенном прямо в зимней беседке.

— Солидно?! И это всё, что ты можешь сказать? — рассердился великий князь. — Да ты понимаешь, что это в два раза больше, чем за предыдущие десять лет!

— Ну-у-у... в предыдущие годы как бы война была. А сейчас уже давно мир. Благодаря государю императору мы эвон даже в греческие события не особо ввязываемся. Больше французы с англичанами там рулят. Хотя Турция-то у нас под боком, а не у них... Так что можно было и поболее денег в казне отыскать на такое благое дело.

Николай вздохнул:

— Нет денег в казне. Совсем. Брат сказал — до сих пор от войны отойти не можем. Без бюджета живём. Дай бог всего несколько раз за девятнадцать лет его правления смогли оный хотя бы принять, а свести

и вообще ни разу, то есть как деньги в казну приходят, так тут же улетают на неотложные нужды. Я уже с ним и про новые железные дороги говорил — бесполезно. Гатчинскую построили — и на этом всё... Да и ту, сам знаешь, в большей мере за твой счёт.

— Наш.

— Ну так-то — да, — согласился Николай. — Но мы с Мишкой к твоим заводам только номинальное отношение имеем. Хотя и числимся главными владельцами. А так ты сам здесь всем управляешь.

Даниил про себя довольно усмехнулся. Получилось у него в мозги Николая и Михаила правильные мысли заронить. Потому как подобное заявление — ну совсем не типичное для нынешней аристократии.

— Ну так вы самое важное сделали — позволили мне всей прибылью распоряжаться.

— Так ты же её и создаёшь, — усмехнулся Николай. — Да и вообще, опыт показал, что твои действия к её приумножению приводят. Эвон как с паровозами дело застопорилось — так ты быстренько производство перестроил и много чего выпускать начал: судовые машины, паровые краны, копры, землечерпалки... да и железная дорога ныне тоже весьма прибыльна, хотя затраты всё ещё не отбились. Так что у нас с Мишкой есть тайный коварный план — как только прибыль совсем уж неприличной станет, вот тогда-то мы её и отберём. А пока давай, раб на галерах, — паши на нашу пользу! — и они оба расхохотались.

Посиделки с шашлыками Данька по старой памяти начал устраивать с прошлой зимы. Вот как-то накатила на него в феврале ностальгия, ну он и решил отпраздновать День Советской армии и Военно-морского флота как раньше... то есть позже... короче, как в прошлой жизни. Велел склепать на заводе мангал, замариновал мясо

в луке и специях, достал из погребка несколько бутылочек красного бургундского, которое здесь и сейчас было куда более доступно, нежели какое-нибудь грузинское, и устроил посиделки с руководством завода. Очень тогда мужики подивились тому, как самый близкий к ним из хозяев преподобного Моисея Белозерского и преподобную Горгонию, сестру святого Иоанна Богослова, странно чествует. Их именины аккурат на двадцать третье февраля прились... Но в целом мероприятие всем понравилось. Да так, что слухи про него начали как круги по воде расходиться. Ну дык никогда местный люд ничего подобного шашлыку не едал. Да и сам антураж — мангал, мясо на вертелах, но кусочками, а не тушкой, печиво из овощей... Так что в конце концов они дошли и до Михаила с Николаем. Отчего те тут же потребовали и им устроить необычное угощение. Так что пришлось на преподобных Иеремию и Пафнутия Боровского и великомучеников Афонских Евфимия, Игнатия и Акакия, что на первое мая выпали, устраивать посиделки уже с великими князьями. Причём они так же сильно удивлялись странному выбору даты.

С тех пор так и пошло — по памятным в этом времени только ему датам. Двадцать третье февраля, первое и девятое мая, ну и седьмое ноября. День, так сказать, Великой Октябрьской социалистической революции... Нет, шашлыки он делал не только в эти дни. Уж больно подобные посиделки обоим младшим великим князьям по душе прились. Но все другие разы — исключительно по заказу. А вот эти четыре даты стали обязательными. Хотя ни Николай, ни Михаил так и не поняли, почему он к этим вполне себе обычным дням привязался...

В этом году девятое мая выпало на Вознесение Господне, но на шашлыки смог приехать только Николай.

А Михаил с сожалением сообщил, что у него никак не получится. Потому как именно на этот день у него с Кутайсовым и Засядько назначены очередные пробные стрельбы нового орудия, которое как раз по идеям, каковые Даниил в той записке по артиллерии изложил, и сделали. Стрельбы эти, насколько Данька знал, были уже шестыми, причём все предыдущие ничем хорошим не закончились. Слава богу, в той самой записке бывший майор изложил (ну, насколько помнил) регламент испытаний со всеми требуемыми мерами безопасности. Так что взрывы и разрушения орудий к жертвам среди расчёта и испытателей не привели... По идее, после стольких неудач стоило бы и бросить, но у Мишки доверие к Даниилу было почти абсолютным. Поэтому он упрямо продолжал и продолжал неудачные эксперименты с новыми пушками.

— Значит, со школами дело сдвинулось.

— Вот только что и сказать можно, что сдвинулось, — вздохнул Николай. — Нам не то что тысячи — десятки тысяч школ нужны, а где на них не то что денег, хотя бы учителей взять — непонятно.

— А чего непонятного-то — учить. Создавать новые учительские институты и...

— Не на что. Я ж тебе говорил — денег в казне нет. И так три четверти новых школ открыты на деньги благотворителей и собранные по подписке. Матан расстаралась. Сами бы хрен столько собрали... Слава богу хотя бы набор в Главный педагогический институт удалось расширить более чем в три раза — с тридцати до ста человек в год. Но на этом — всё. Дмитрий Александрович категорически заявил, что денег на новые «эксперименты» в области образования более нет.

— То есть и твоя мечта о новом университете так же побоку?